

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

**КОРЕЙСКИЕ СКАЗКИ
(СБОРНИК)**

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Корейские сказки (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22204146

Аннотация

«В 1898 году, в сентябре и октябре, я проехал из Владивостока в Порт-Артур, – большею частью верхом, частью в лодке: в лодке – по Ялу (Амнока-ган). Ехал не прямо, а с заездами, – то в Корею, то в Маньчжурию. Во время этого путешествия я собрал прилагаемые сказки. Двадцать-тридцать корейцев, в своих дамских белых кофточках, в дамских шляпах с широкими полями и высокими узкими тульями, окружали нас, присаживаясь на корточках, и лучший сказочник рассказывал, а остальные курили свои тонкие трубочки и внимательно слушали...»

Содержание

Предисловие	4
1. Заяц	7
2. Три брата	10
3. Восьми-несчастный	11
4. Кучи Кантхегана	17
5. Художник	19
6. Пак	22
7. Добродетельная жена	31
8. Отгадчик	34
9. Нен-мои	37
10. Чапоги	43
11. Знаем!	46
12. Два патриота	47
13. Небесная подруга	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Гарин- Михайловский Корейские сказки (сборник)

Предисловие

В 1898 году, в сентябре и октябре, я проехал из Владивостока в Порт-Артур, – большею частью верхом, частью в лодке: в лодке – по Ялу (Амнока-ган).

Ехал не прямо, а с заездами, – то в Корею, то в Маньчжурию.

Во время этого путешествия я собрал прилагаемые сказки.

Двадцать-тридцать корейцев, в своих дамских белых кофточках, в дамских шляпах с широкими полями и высокими узкими тульями, окружали нас, присаживаясь на корточках, и лучший сказочник рассказывал, а остальные курили свои тонкие трубочки и внимательно слушали.

Мой переводчик г. Ким, сам кореец, прекрасно владеющий и корейским и русским языком, учитель по специальности, переводил; я быстро, фраза за фразой, записывал, ста-

раясь сохранить простоту речи, никогда не прибавляя ничего своего.

За это я ручаюсь и не сомневаюсь, что будущие исследователи подтвердят истину моих слов.

Я слушал эти сказки то вечером, после гостеприимного ужина, то во время отдыха на перевалах, откуда раскрывалась перед нами далекая панорама долин и гор в осеннем нежном, как старые персидские ковры, узоре.

Целые снопы фиолетовых и оранжевых лучей заходящего во всем своем величии желтого солнца заливали эту даль, и она сверкала, вспыхивала в последний раз и уже исчезала, как видение, в просвете быстро наступающих сумерек. И все кругом – и эта даль, и эти люди, и их жизнь – казались тоже сказкой.

Одну тетрадь со сказками я потерял, к сожалению. Теперь, когда я опять еду туда, на далекий Восток, мне, может быть, удастся возместить эту потерю. А может быть, я не найду уж той прежней сказочной Кореи, тех библейских патриархальных фигур: чистых, доверчивых детей; наивных, благородных и в то же время пятитысячелетних старцев, изведавших и познавших и душу человеческую и тщету всего земного, которым ничего, кроме их сказок и гор, не надо.

Юмор, добродушие, всепонимание и всепрощение, поразительное благородство.

Так они живут, так умирают.

Я стою над умирающим корейцем, впервые увидевшим

нас, белокожих. В его доме на нас произвели нападение, его смертельно ранила одна из пуль нападавших хунхузов.

Темное, красивое, иконописное лицо; чудные большие глаза; черная борода, напоминающая индуса. Спокойствие, величие простоты...

– Я исполнил только свой долг гостеприимства... Но уходите скорее отсюда... Оставьте нас... Нет, не надо золота, потому что оно привлечет опять злых людей и погубит нас...

Корейцев называют трусами.

За белые костюмы, за робость – русские называют корейцев белыми лебедями.

Да, как лебеди, корейцы не могут драться, проливать человеческую кровь; как лебеди, они могут только петь свои песни и сказки.

Отнять у них все, самую жизнь – так же легко, как у детей, у лебедей: хорошее ружье, верный глаз...

Ах, какие это чудные, не вышедшие еще из своего сказочного периода дети!

1. Заяц

Заболел морской царь, и доктор-рыба доложил ему, что только печенька зайца может спасти его от смерти.

Тогда послали кету поймать зайца. Кета поплыла, но у берега попалась на удочку.

Послали сома, но и сом попался.

Тогда послали ужа. Но уж, когда выполз на берег, попал под колеса арбы и был раздавлен.

Тогда послали черепаху.

Черепаха разыскала царя зверей, тигра, и говорит:

– Ты царь, и у нас есть царь. Наш царь умирает, и доктор сказал ему, что если он не съест заячьей печени, то жить он не будет.

Тигр выслушал и приказал привести к нему зайца.

– Иди, – сказал он, – за этой черепахой: тебя зовет морской царь.

Идет заяц с черепахой и выпытывает, что нужно от него морскому царю.

Рассказала ему черепаха, в чем дело.

– Но если у меня вынут печеньку, так ведь я уже жить не буду?

– Этого я не знаю, – сказала черепаха.

– Ну, так вот что, – у меня есть один хромой родственник. Он давно жалуется, что ему от хромой ноги жизнь не в

жизнь. А царю вашему ведь все равно, чью печенку ни есть, – лишь бы только заячья была.

Так ты подожди меня, я только вот в этот лес сбегая и живо приведу тебе хромого зайца.

– А мне все равно, – сказала черепаха и выпустила зайца.

Заяц шмыгнул в лес, и только его и видели.

Ждала-ждала черепаха и поползла к своему царю.

Узнал царь, в чем дело, и велел ей опять ползти к царю зверей.

Рассказала черепаха царю зверей, как ушел от нее заяц.

– Ну, иди домой, – сказал ей царь, – от тебя он опять убежит, – я пошлю его с более надежным.

Услыхал заяц, что его опять ищут, и говорит:

– Ну, теперь, когда мне все равно умирать, сделаюсь я хунхузом.

И заяц сделался хунхузом.

Раз видит он, ползет по дороге черепаха.

– Ты куда ползешь? – спрашивает ее заяц.

– Да вот к вашему царю сказать, чтобы он больше не беспокоился, так как наш царь уже умер.

Тогда заяц забежал вперед черепахи и, присев перед своим царем на корточки, сказал:

– Слыхал я, великий царь, что ты требуешь меня, – вот я.

– А где ты был до сих пор?

– Я бегал на китайскую сторону к брату своему в семнадцатом колене.

– А почему ты ушел тогда от черепахи?

– Я не ушел, а отпросился согласно разрешению выставить за себя хромого. Вот к этому хромому брату я и бегал.

– Ну?

– Да, не пошел, – говорит, не хочу еще умирать.

– А не хочет, так иди ты.

В это время приползла черепаха с известием, что их царь уже умер.

– Ну, умер, так умер, – сказал тигр и отпустил зайца с наградой.

2. Три брата

Жили три брата на свете, и захотели они нарыть жень-шеню, чтобы стать богатыми. Счастье улыбнулось им, и вырыли они корень ценой в сто тысяч кеш. Тогда два брата сказали: «Убьем нашего третьего брата и возьмем его долю». Так и сделали они. А потом каждый из них, оставшихся в живых, стал думать, как бы ему убить своего другого брата. Вот подошли они к селу. «Пойди, – сказал один брат другому, – купи сули (водки) в селе, а я подожду тебя». А когда брат пошел в село, купил сули и шел с ней к ожидавшему его брату, тот сказал: «Если я теперь убью своего брата, мне останется и вся суля и весь корень». Он так и сделал: брата застрелил, а сулю выпил. Но суля была отравлена, потому что ею хотел убитый отравить брата. И все трое они умерли, а дорогой корень жень-шень сгнил. С тех пор корейцы не ищут больше ни корня, ни денег, а ищут побольше братьев¹.

¹ Обычай побратимства широко распространен у корейцев и очень чтится. (Прим Н. Г. Гарина-Михайловского.)

3. Восьми-несчастный

У человека восемь счастья: счастливая могила предков; хорошая жена; долголетие; много детей; много хлеба; много денег; много братьев; образование. Но есть люди, которые не обладают ни одним из этих счастья, и тогда они называются восьми-несчастливыми – Пхар-ке-боги.

Одним из таких и был Ниноран-дуи, которого даже жена бросила.

И все ж таки случилось однажды так, что Ниноран-дуи встретил женщину по имени Дю-си, – молодую, красивую, богатую, которая полюбила Ниноран-дуи. И Ниноран-дуи полюбил Дю-си. Но так как несчастья восьми-несчастливых передаются и тем, кто любит их, то и для Дю-си встреча с Ниноран-дуи не прошла даром, – ее торговые дела пошли плохо, ее скот падал, поля ее не приносили больше урожая.

Все это кончилось тем, что, когда однажды Дю-си проснулась, она не нашла больше подле себя своего любимого Ниноран-дуи, она нашла только письмо его. Он написал ей, что, несмотря на то, что он любил ее всеми силами своей души, он оставляет ее, так как ничего, кроме несчастья, он не может ей дать.

Дю-си, прочитав письмо, горько заплакала, потому что она любила Ниноран-дуи, а не свои богатства, которые она с этого момента возненавидела; раздав их нищим, она ушла

из тех мест, где жила.

Она шла по долине, плакала и думала: «Если бы у меня было столько хлеба, чтобы накормить всех голодных, и столько денег, чтобы дать всем, кто в них нуждается, тогда не было бы больше горя на земле!»

Когда она так думала, она вдруг увидела перед собой едущего на быке красивого сильного человека, увешанного цветами и обвитого колосьями. Он остановил быка и сказал ей:

– Полюби меня, будь моей женой.

– Я люблю уже одного восьми-несчастливого и никого, кроме него, любить не могу. Но если желаешь, будем братом и сестрой, – отвечала Дю-си.

Они побратались по обыкновению их страны: надрезав себе пальцы, кровью написали свои имена, каждый на поле своей одежды, затем, отрезав написанное, обменялись, и, спрятав это у себя на груди, каждый отправился своей дорогой.

Утомившись от пути, Дю-си вошла отдохнуть в хлеб, прилегла там и заснула. Во сне она увидела белого, как серебро, лицом и волосами старика, который сказал ей: «Тот человек, которого ты встретила на быке и с которым побраталась, был я. Я – дух долины. Я знаю твое желание. Вот тебе мешочек с рисом, – одного зерна довольно, чтобы самый большой котел наполнился рисом. И сколько бы ты ни брала из этого мешочка рису, он никогда не истощится!» Сказав это, старик исчез, а Дю-си проснулась. Около нее лежал маленький

мешочек с рисом.

Взяв мешочек, она пошла дальше.

Долина кончилась, и Дю-си стала подниматься на перевал высокой горы. Там, на вершине перевала, рос прекрасный густой лес, посередине которого стоял шалаш. Молодой красивый дровосек сидел в шалаше перед огнем очага и кипятил воду в котле.

– Что ты положишь в эту воду? – спросила Дю-си после приветствия, остановившись у входа в шалаш.

– Я ничего не могу положить в эту воду, – ответил дровосек, – потому что у меня нет ни чумизы, ни рису.

Тогда Дю-си вошла в шалаш, достала из мешочка одно зерно рису и бросила его в котел.

Котел сейчас же наполнился до верха рисом, и дровосек с Дю-си вполне насытились этой пищей.

После ужина дровосек сказал Дю-си:

– Полюби меня, и будем мужем и женой.

– Я не могу полюбить тебя, – отвечала ему Дю-си, – потому что люблю своего мужа, восьми-несчастливого, но если хочешь, будь моим братом.

Дровосек согласился, и они побратались.

Вскоре после этого наступила ночь, и Дю-си крепко заснула. Она увидела во сне белого, как серебро, лицом и волосами старика, который сидел верхом на громадном тигре.

– Дровосек, ужинавший с тобою в шалаше, был я. Я – дух гор. Я знаю твое желание: вот возьми этот кусок золота, и

сколько бы ты ни отрубала от него, золото у тебя никогда не будет уменьшаться!

Старик исчез, а Дю-си проснулась. Не было больше дровосека, ни шалаша, а около нее лежал кусок золота.

– Теперь я знаю, что мне делать, – сказала Дю-си, вставая, – я выстрою на этом месте целый город! Ко мне будут приходить со всех сторон все голодные и все те, кому нужны деньги, и в числе их я найду и своего восьми-несчастливого.

Так и сделала Дю-си. К ней приходили все нищие, все голодные или нуждающиеся в деньгах. Ожидания ее исполнились, – однажды пришел к ней ее муж Пхар-ке-боги.

Когда увидела его Дю-си, она бросилась к нему и упрекала его, что он ее покинул. Пхар-ке-боги, узнав Дю-си, был, конечно, тоже счастлив. Дю-си взяла с него клятву в том, что он не покинет ее и не уйдет от нее больше. После этого они зажили очень счастливо, кормя и поя всех проходящих к ним нищих.

Однажды у Дю-си вышли все деньги, и за ними необходимо надо было ехать в другой город, чтобы разменять золото на деньги.

Дю-си дала свой кусок золота мужу и просила его, чтобы он нарубил побольше кусков и обменял их на деньги, чтобы не ездить часто в город и не разлучаться.

Пхар-ке-боги навьючил осла золотом и отправился с ним в город.

По дороге необходимо было переехать ручей, а так как

Ниноран-дуи был восьми-несчастный, то и случилось, что как раз в это время пошел сильный дождь, превративший малый ручеек в громадную реку, в которой и потонул при переправе осел вместе с золотом.

– Нет! – вскричал в отчаянии несчастный, – так не может дольше продолжаться: слишком много уже несчастий я приношу собой этой женщине! Или я спасу, ее золото, или погибну и сам вместе с ним!

Он бросился в воду и утонул. Дю-си долго ждала Ниноран-дуи и, наконец, не вытерпев, пошла сама его отыскивать.

Когда она подошла к ручью, вода в нем спала, и это был опять маленький ручеек. На берегу она увидела и лежащее золото и мертвого Ниноран-дуи. Ничто больше не могло утешить Дю-си. Она шла и плакала. Она плакала о своем дорогом восьми-несчастном и о всех несчастных и всех восьми-несчастных. Когда силы ее оставили, она села и так умерла плача, а от ее слез в этом месте протек ручей, который и называется «ручей слез». Один купец ехал в город по делам, сбился с дороги и попал как раз в то место, где лежала мертвая Дю-си. Увидав женщину, он, по обычаю своей страны, в знак уважения, слез с лошади и прошел мимо нее пешком. Проходя, он заметил, что женщина неподвижна, а подойдя ближе и убедившись, что она мертвая, вырыл могилу и похоронил ее. Вскоре затем он нашел опять свою дорогу, благополучно приехал в город и удачно кончил все свои дела. Приписывая удачу встрече с похороненной им женщиною,

он на обратном пути снова заехал на ее могилу и, по обычаю своей родины, помянул ее. После этого он, по приезде домой, рассказал домашним и знакомым о случившемся с ним происшествии и своей удаче в делах. Другие купцы, его товарищи, ездившие в город по делам торговым, тоже посетили могилу Дю-си и помянули ее. И их постигла удача. Купцы из других местностей, узнав об этом, также завертывали на могилу Дю-си и тоже получали удачу в своих делах.

Однажды какой-то несчастный случайно попал на могилу Дю-си. Он горько плакал о своем горе и так и заснул на могиле. Во сне ему явилась прекрасная молодая женщина, вся в белом, и плакала вместе с ним, и, утешая его, говорила:

– Напейся из этого ручья, – вода в нем чистая, потому что источник его – слезы за несчастных. Когда ты напьешься, уменьшится твое горе, потому что ты полюбишь всех других несчастных, как любила их та, слезы которой образовали этот ручей!

Стали ходить на могилу Дю-си другие несчастные, и слава о могиле Дю-си росла все больше и больше.

Согласно законам страны был поставлен на ее могиле памятник с надписью: «Добродетельной женщине».

А слава все растет и растет и будет расти, потому что та, которая спит в этой могиле, любила несчастных, а их все больше и больше на свете.

4. Кучи Кантхегана

Во время царствования династии Цумуан жил близ реки Туманган в городе Ауди восьмидесятилетний старик Кантхеган.

Он был предсказатель и знал, что прожил только половину своей жизни. Он был очень учен, хотя занимался всегда сельским хозяйством. Но когда ему минуло восемьдесят лет, он бросил все дела и только занимался тем, что с удочкой в руках ходил на реку и удил рыбу, но, так как на удочку он не клал никакой приманки, рыба не ловилась. Так продолжалось три года.

– Ты выживший из ума старик, и я не хочу с тобой жить. Давай мне развод.

Кантхеган согласился и дал жене развод.

Но потом произошло вот что:

Царь, узнав, что какой-то старик уже три года ловит рыбу без приманки, заинтересовался им и призвал его к себе.

– Зачем ты три года ловишь рыбу без приманки?

– Потому что я знал, что ты призовешь меня.

Царь разговорился с ним, узнал его ученость, мудрый ум и сделал его первым министром.

Тогда бывшая жена его пришла к нему и стала просить, чтобы он опять взял ее к себе.

– Нет, – ответил Кантхеган, – друга для хороших дней я

всегда найду, а в мои трудные дни ты не была мне другом. Но так и быть, я для тебя кое-что сделаю.

И он приказал сложить возле дороги кучу камней с надписью: «Прохожий, вспомни о моей жене, скажи – дрянная женщина – и плюнь».

С тех пор кореец, проходя мимо такой кучи, всегда плюет и говорит:

– От дрянной женщины.

Впрочем, женщины корейские не верят этой легенде, и кучи камней, которых очень много по дорогам, объясняют тем, что камень этот корейцы стаскивают со своих каменистых полей, а чтобы им веселее было таскать, они и тешат себя всякими глупостями.

5. Художник

Жил в Корее художник Ким-тон-чуни.

Он был знаменит, но мечтал о большем.

Однажды приснился ему восьмидесятилетний белый старик и сказал ему:

– Есть небесная река. Она нежнее неба и светлее земной самой чистой воды. Чтобы видеть ее течение, надо все ночи проникать в небо, и цвет, который начинается за тем местом, где падает красноватый отблеск Ориона, и есть цвет той реки. Срисуй ее, и такая картина даст счастье всей Корее. Но она будет тебе стоить жизни.

Проснувшись, Ким с нетерпением ждал ночи и искал цвет небесной реки.

Сперва он ничего не мог разобрать. Небо было то темное, и тогда оно было синее и только около звезд, крупных, как капли росы, оно словно бледнело и таяло. То всплывала луна, обвитая нежным сиянием Ориона, и в блеске луны меркли звезды и бледнело небо.

Но все это было не то, пока после долгого напряжения не уловил Ким иных, словно движущихся частичек неба.

И он изощрил свое зрение до того, что мог видеть в небе то, чего никто из смертных не видел еще.

И когда так неподвижно сидел Ким, говорили, что душа его отделялась от его тела и уходила гулять на небо.

Тихо подвигалась работа Кима.

Месяцы, годы проходили.

Однажды сидел так Ким, смотря в небо, и оставалось последний блеск уловить, как вдруг перестал он видеть и небо и все окружающее.

Ким ослеп, и когда утром пришли к нему, то нашли его уже мертвым.

А картину его отнесли к императору, и тот созвал ученых и спросил:

– Что это значит?

Ученые долго совещались и ответили императору:

– Это ничего не значит.

И картину бросили в архив.

Но один китайский мудрец сказал богдыхану:

– В Корее знаменитый художник Ким нарисовал картину: ее непременно за какие бы то ни было деньги надо купить.

Богдыхан послал в Сеул, и, когда корейский император узнал, зачем послы приехали, он отдал им картину за тысячу кеш (два рубля).

Со взятками корейским министрам. она обошлась в тридцать тысяч кеш (шестьдесят рублей).

– На что вам эта дрянь? – спросили корейские министры, пряча деньги в свои широкие карманы.

– На что? А дайте-ка сюда удочку.

И когда удочку поднесли к картине, из нее выскочила живая рыбка.

– Видели? – спросили китайцы. – Вы продали счастье вашей страны.

И с тех пор Китай стал богатеть, а Корея пошла книзу и дошла до той нищеты, в которой теперь находится.

6. Пак

Жил-был на свете бедный юноша, по имени Пак. У него не было ни отца, ни матери, ни родных. Жил он тем, что срезал серпом высокую болотную траву, растущую у озера, и продавал ее на топливо. Он давал траву, а ему давали немного чумизы. Однажды, когда Пак срезал траву, выбежал к нему из чащи олень и сказал человеческим голосом:

– Спрячь меня, Пак, – за мной гонится охотник!

– Куда я тебя спрячу? – сказал Пак.

– Спрячь меня в этом стоге травы, который ты накопил.

Пак спрятал оленя, прикрыв его и его рога травой. Скоро сюда прибежал и охотник и грозно спросил Пака:

– Где олень?

Пак его нисколько не испугался и в свою очередь спросил охотника:

– Олень, что такое олень?

Охотник не стал больше и разговаривать с человеком, который никогда не видел и не знает, что такое олень, а побегал дальше.

– Ну, спасибо тебе, – сказал олень, – постараюсь и я тебе услужить! Тебе минуло сегодня как раз шестнадцать лет, ты совершеннолетний, а потому пора подумать и о женитьбе. Кстати, сегодня же в это озеро, всегда раз в год, спускаются восемь небожительниц, чтобы купаться в нем. Укройся в

кусты и смотри, какая тебе больше всех понравится, – той юбку возьми и спрячь и, помни, не отдавай ей юбку назад, несмотря на все ее просьбы, раньше того, как у вас будут трое детей! Помни еще одно: если я тебе зачем-нибудь понадобится, только крикни меня, до трех раз: «Олень, зову тебя!»

Сказав это, олень скрылся в лесу, а обрадованный Пак спрятался в кусты. И была пора, потому что, только он успел укрыться, как восемь прекрасных девушек, в белых одеждах, спускались к озеру. Спустившись, они разделись и стали купаться, играя между собой в прозрачных водах озера.

Пак выбрал себе самую младшую и осторожно спрятал ее юбку. Сейчас же после этого одна из девушек тревожно сказала:

– Как будто человек тут близко – лучше улетим отсюда!

И все девушки сейчас же бросились к берегу, оделись и исчезли в облаках. Только восьмая осталась, нигде не найдя свою юбку. Тогда показался из-за кустов Пак и сказал ей:

– Юбку твою я взял, потому что я полюбил тебя и хочу, чтобы ты была моей женою, если ты согласна?

Она была согласна, потому что Пак был тоже красив и нравился ей, но она попросила назад свою юбку. Пак не дал, и они стали мужем и женой.

Когда пришла ночь, жена спросила у мужа:

– А где же твой дом?

– Мой дом? Вот мой дом, – и он показал на камыши, на озеро. – Крыша моя – голубое небо. Стены – эти горы, а уще-

лье это – мое окно.

И Пак подвел ее к ущелью, в котором, как в панораме, все в ковровых уборах, уходило вдаль все горы Кореи.

– Дом хорош, – сказала жена, – но, когда идет дождь, твоя крыша протекает?

– Так, – ответил Пак, – но, когда он проходит, платье мое просыхает, и я греюсь у огня великого солнца!

– Дом хорош, – повторила молодая жена, – но не совсем.

Разговаривая таким образом, они заснули прямо на поляне, а на другой день Пак, счастливый, проснулся в большой, богатой фанзе. Он встал и вышел на двор и здесь увидел, что фанза его покрыта черепицей; большой двор с постройками; амбар, полный чумизой и рисом, а под навесом стоял огромный корейский бык и лениво жевал кукурузные зерна.

– Это тебе мой свадебный подарок! – сказала жена и на всякий случай спросила: – Не отдашь ли мне теперь мою белую юбку?

– Нет, нет, моя милая жена, – ответил он, – не отдам.

И стали они жить весело и счастливо.

Прошло несколько лет. У них уже было двое сыновей, когда однажды жена Пака опять попросила мужа вернуть ей юбку. И Пак согласился, рассуждая, что жена его любит и, наконец, куда же она уйдет теперь от своих детей? И он отдал ей ее юбку. Но, проснувшись на другой день, он увидел только свое озеро! Жена, дети, дом с постройками, всегда полный амбар с хлебом – все это исчезло, как сон. Огорчен-

ный Пак вскричал тогда:

– Буду я после этого верить женщинам!

Но это было, конечно, слабое утешение. К его счастью, он тут же вспомнил об олене и громко позвал его, три раза крикнув:

– Олень, зову тебя!

Олень немедленно явился перед ним и сказал:

– Лучше было бы для тебя, Пак, если бы ты хорошенько помнил слова мои. Но, так и быть, я помогу тебе. Вот возьми эти три тыквенных зерна, посади их сейчас же, и завтра они вырастут до неба. По ним ты взберешься на небо при условии, если не будешь оглядываться вниз!

Олень исчез, а три зерна на другой день действительно выросли до неба. И Пак полез на небо, но, позабыв опять приказания оленя, посмотрел вниз, и тыквы сразу исчезли, а Пак полетел на землю. Хорошо, что было еще невысоко и он не поломал себе рук и ног. Оставалось одно: опять позвать оленя. Олень явился и на этот раз сердито сказал:

– Однако же ты, Пак, плохо слушаешь приказания! Даю тебе еще три таких же зерна, но помни, это последние, и больше ты меня не увидишь!

Пак посадил опять три тыквенные зерна в землю, а наутро, когда тыквы-деревья опять выросли до неба, Пак полез и вниз больше не оглядывался, пока не добрался до неба.

Взобравшись туда, Пак присел отдохнуть на голубую землю; невдалеке он увидел прекрасную фанзу с обширными

пристройками, амбарами, с громадными садами, обнесенными забором. Отдохнув, Пак полез через забор в сад и, к великой радости, увидел там своих двух любимых сыновей. Дети, подбежав к нему, обрадовались, поздоровались и побежали к матери, весело крича ей:

– Отец пришел, отец наш пришел!

Мать не поверила и печально ответила им:

– Как может ваш отец прийти с земли на небо?

Но, увидав мужа, она обрадовалась и сказала:

– Не сердись на меня, ты сам виноват, я любила и люблю тебя по-прежнему, но это была воля отца моего, чтобы я требовала свою юбку, ты же не должен был давать ее.

В это время вышел из фанзы старик; это и был отец жены Пака.

– Вот мой муж, – сказала дочь отцу и подвела мужа к своему отцу.

Старик не очень обрадовался новому зятю.

– Муж-то муж! – ворчал он, – вот он умудрился взобраться на небо; пусть-ка умудрится на землю слезть! Что говорить, ловкий парень! А все-таки дочь мою тебе не увести так просто отсюда назад, на землю. Должен ты будешь сперва угадать мои две да одну загадку моего старшего зятя, вот когда все мои молодцы вернутся с работы у Оконшанте². А чтобы не терять времени, я начну тебя испытывать; вот я спрячусь, а ты отыщи меня.

² Начальник небесного сада. (Прим. Н. Г. Гарина-Михайловского.)

– Когда выйдешь во двор, – шепнула жена Паку, – увидишь петуха, который роется в навозной куче, – это и будет отец.

Пак вышел на двор, увидел петуха и говорит ему:

– Что вам за охота, тещюшка, рыться в навозе?

Петух преобразился в отца жены и сказал:

– Ну что ж, на этот раз угадал, как-то в другой раз угадаешь?

– Теперь он будет черным жирным боровом, вот там, за этим амбаром, – прошептала жена Паку.

Пак зашел за амбар и говорит черному борову:

– Что вам за охота, тещюшка, свой собственный амбар подрывать?

В то же мгновение боров превратился опять в тестя.

– Хорошо, и на этот раз угадал ты. Как-то справишься со старшим моим зятем!

Скоро пришли мужья и всех остальных семи дочерей старика, который и предложил старшему задать какую-нибудь загадку Паку.

– А вот я пушу стрелу из лука, – сказал старший зять, – а он, Пак, пусть не позволит ей упасть ни на небо, ни на землю...

– Ничего, справимся, – шепнула жена мужу.

И, как только старший зять выпустил стрелу, жена Пака в то же мгновение обратилась в кречета и подхватила стрелу. Старший зять, видя это, в свою очередь превратился в орла

и пустился за кречетом. Видит кречет, что не спасишься ему от орла, выпустил стрелу на землю, как раз в том месте, где в это время проходил сын одного предводителя дворянства.

– Ну, все равно, – сказал старший зять, превратившийся опять в человека, – стрела моя упала на землю, и жены мы тебе не отдадим!

– Скажи, что не на землю упала стрела, а попала в затылок сына предводителя дворянства, – шепнула жена Паку.

– Ну, в таком случае, – сказал опять старший зять, – поговору ты должен стрелу передать мне в руки, а потому иди на землю и принеси ее мне.

– Проси у них лошадь, – шепнула жена. – Когда тебе будут давать красивых лошадей, ты проси маленькую, мохнатую, горбатую – уродца-лошадь; она стоит в заднем стойле.

Так Пак и сделал, несмотря на все насмешки и остроты старика и зятьев, что его выбор пал на такого уродца-коня, никому ненужного. А конь-то этот и был конь удивительный: как только Пак сел на него, сейчас же конь спустился легко и спокойно с неба, прямо к дому предводителя дворянства. Там, по случаю смерти сына, все были в глубоком трауре и громко плакали.

– В чем дело? – спросил плачущих Пак.

– Да вот был у нас сыночек живой, веселый и здоровый, а вот только что перед тобой упал и лежит мертвый!

Никто из родных не заметил стрелы, потому что она была очень тонка и вся ушла в тело молодого дворянина.

– Ну хорошо, – сказал Пак, – ваш сын не умер, я оживлю его, но для этого уйдите все и оставьте меня одного с ним.

Оставшись, он осторожно вытащил тонкую стрелу, и покойник тотчас же ожил. Поднялась в доме радость и веселье. Пак хотел в тот же день уехать назад на небо, но обрадованные родители не отпускали такого дорогого гостя и три дня пировали с ним. На четвертый день Пак сказал, что ему необходимо ехать; распрощавшись с гостеприимными хозяевами, сел на своего мохнатого коня-уродца и скрылся в облаках.

– Ну, вот твоя стрела, – сказал он старшему зятю.

Делать было нечего, надо было покориться уговору и отпустить Пака с женою на землю. Но все родные стали уговаривать Пака остаться здесь, жить на небе.

– Что тебе делать на земле? – говорили они. – Ни родных, ни друзей у тебя нет там. А здесь, коли останешься с нами, мы пристроим тебя на службу к Оконшанте, и будешь доволен.

Подумал Пак, посоветовался с женою, и порешили они остаться навсегда жить на небе.

В ожидании места Пак ездил пока с женою, которая была на службе у Оконшанте. Они ездили на драконе, и жена его из мраморного флакончика выливала дождь, где он нужен был на земле. Когда они летели над Кореей, Пак, показывая, говорил жене:

– Вот Корея! Это Сеул, а это провинция Пиандо, а вот,

смотри, и наше милое озеро! Как оно высохло с тех пор: налей же побольше воды в него из флакона!

Жена исполняла его просьбу, но он просил ее не скупиться. Она лила еще, но Паку все было мало; он отнимал у нее флакон, пока, шутя и играя так, однажды они уронили флакон. Он упал в жерло вулкана, который и потух от того, а в его кратере образовалось озеро Великого Дракона, из которого и потекли с тех пор три реки: Амнока, Туманган и Сунгари. Великий Оконшанте не прогневался на свою любимицу – жену Пака, но он отстранил ее от дела и не дал никакой службы ее мужу.

Он сказал:

– У них довольно и без того дела.

А дело их было – любить друг друга.

Так и до сих пор живут Пак и жена его на небе.

7. Добродетельная жена

Один человек выкрал себе жену, и ушел он с ней на Амноку рыбачить. И жили на Амноке. Пока муж был здоров, все шло хорошо, потому что они любили друг друга. Другой раз нет рыбы, – ну, покрепче прижмутся друг к другу, чтобы меньше есть хотелось, и уснут. Но простудился раз муж на реке и свалился. Тогда плохо пришлось им: нет рыбы, нет чумизы, нет денег знахаря позвать. Лежит муж и говорит:

– Если б мне теперь рыбки съесть, я бы выздоровел, а без рыбы умру.

Ничего ему не ответила жена и ушла на реку.

Сидела, сидела – нет рыбы.

Тогда она взяла нож, вырезала из своей ноги длинный кусок мяса, пришла домой, изжарила и подала мужу.

– Я никогда не ел такой вкусной рыбы, – сказал муж, – как ты поймала ее?

– Я сидела на берегу и просила небо и морского царя, и рыба выскочила из воды ко мне на берег.

– Ах, – сказал муж, – я уже наполовину ожил, еще бы одну такую рыбку, и совсем бы я выздоровел. Не попросишь ли ты еще одну?

– Попробую, – сказала жена и опять пошла и вырезала себе кусок мяса из второй ноги.

Муж съел и сказал:

– Ну теперь я совсем здоров: никогда я не ел такой вкусной рыбы.

Муж выздоровел, а жена его день ото дня таяла. Муж никак не мог понять, в чем дело, когда однажды увидел у спавшей жены кровь на ногах, посмотрел и увидел страшные раны. Тогда он понял, откуда жена доставала ему рыбу, и от горя болезнь опять возвратилась к нему, и через три дня он умер.

Собрав последние силы, жена продала все, похоронила мужа и осталась одна во всем свете на помеху всем.

Она пошла к реке и бросилась в нее.

Но она не утонула: с неба спустилась в воду радуга, по ней сошел муж ее, подал руку, и оба они, уже здоровые и счастливые, ушли в небо, к великому Оконшанте.

После того в той округе, где жила утопленница, три года был голод, пока один предсказатель не сказал, проходя, жителям:

– Вы до тех пор не избавитесь от голода, пока не поставите в честь утонувшей установленного для добродетельных женщин памятника.

Тогда жители обратились через губернатора к императору и, получив от него разрешение и грамоту, воздвигли установленный по закону памятник в честь добродетельной жены.

С тех пор округа не знает голода, и старик, показывая ребенку на стоящий у горы памятник, говорит:

– Если тебе попадется такая жена, она составит и твое счастье и всех живущих в ее округе.

8. Отгадчик

Было два товарища: Тори (камень) и Тутеби (жаба).

Это имена, которыми называли их в детстве...

Тутеби был сын знатных родителей, а Тори – сын простых.

Тутеби был способный, а Тори – простак и увалень.

Тутеби часто дразнил Тори, но любил его.

Когда они кончили ученье, Тутеби сказал Тори:

– Ничего, что ты не знатного рода, я помогу тебе сделать карьеру.

Вот что сделал Тутеби:

Когда отец его ушел в гости, он спрятал любимую саблю отца.

Когда отец возвратился и узнал о пропаже, он чуть не убил сына.

Но сын сказал:

– Не печалься, отец, у меня есть товарищ, который обладает необыкновенным даром угадыванья.

Затем он пошел к Тори и сообщил ему, что он сказал отцу. Не забыл он сообщить и то, где спрятана была сабля.

Когда отец Тутеби позвал Тори, то на вопрос:

– Можешь ли ты угадать, где моя сабля?

Тори ответил:

– Могу.

И показал, где сабля была спрятана.

Отец Тутеби дал ему денег и обещал протекцию.

В это время у китайского императора пропала государственная печать, и китайский император писал корейскому императору, прося его, если у него есть угадчик, прислать немедленно к нему.

Отец Тутеби рассказал тогда корейскому императору про Тори.

– Надо сперва его проэкзаменовать, – сказал император.

Когда Тори привели, император сказал ему, указывая на закрытую шкатулку:

– Ну-ка, угадай, что в этой шкатулке?

– О, Тутеби! – вздохнув, с упреком сказал Тори, – Да, тутеби, – сказал император и показал всем запертую в шкатулке жабу.

– Этот годится, – сказал император и приказал Тори отправляться к китайскому императору.

«Ну, теперь я совсем пропал, – думал дорогой Тори, – и китайский император срубит мне башку. Ай да Тутеби, хорошо ты мне удружил».

Подъезжая к Пекину, Тори сел отдыхать под деревом.

На дереве сидела птичка и пела: «Чи-чу, чи-чу» И с тех пор только и повторял Тори: «Чи-чу, чи-чу».

Когда его привели к императору, то он так уверен был в своей смерти, что на вопрос: «Где государственная печать», ответил только:

– Чи-чу, чи-чу.

И вдруг один из придворных упал на колени и признался, что это действительно он похитил печать.

Дело в том, что фамилия этого придворного как раз была «Чи-чу».

– Действительно, – сказал император, – ты мастер угадывать, и я оставлю тебя при своем дворе.

Тори вовсе не обрадовался этому, потому что рано или поздно обнаружилось бы его незнание.

Поэтому он стал проситься домой, ссылаясь на то, что там его жена и родные.

– Это до меня не касается, – сказал император.

– Но до меня это касается, – рассердился Тори. – И всему причиной этот мой нос, которым чую я, где что спрятано. Так не хочу же я его!

И Тори одним взмахом отрезал себе нос.

– Ну, теперь я такой же дурак, как и вы все, – сказал он.

Император хотел было его казнить, но передумал и отпустил домой.

Над Тори смеялись потом, но он считал, что отделаться от китайского императора только носом – это небольшая еще плата за знакомство с ним.

9. Нен-мои

Болото фиалок

Жил в Сеуле один государственный оценщик по имени Шо-сын-дуй. Он был очень бедный. Однажды он шел по улице и увидел одного юношу по имени Ни-тонон, который кричал:

– Торади, торади (салатный корень)! Одна кеша за пучок!

Шо-сын-дуй, как оценщик, узнал сейчас, что это не торади, а драгоценный жень-шень.

– Я покупаю у тебя всю корзину, неси за мной.

Ни-тонон принес в его дом корзину и, так как в ней было сто пучков, то и получил за них сто кеш.

Затем Шо-сын-дуй накормил его обедом и отпустил домой, сказав ему на прощанье:

– Если у тебя есть еще такой корень, приноси, я весь куплю.

– Есть, сколько хочешь, – мы и не садим его, а он задавил весь наш огород.

– Неси весь.

Ни носил ему целый месяц, пока переносил все, и Шо набил этим корнем все свои кладовые.

Распродав корень, Шо выручил тридцать миллионов лан.

Он спросил Ни:

– Из кого состоит твое семейство?

– Мать да я, – отвечал Ни.

– Если хочешь, я отдам за тебя свою дочь.

– Так что ж, – согласился Ни, – отдавай.

Ни с матерью поселились у Шо и сыграли свадьбу. Но Ни был очень прост, и молодая жена обижалась на него.

– Люди твоего возраста играют в кости, ухаживают за танцовщицами, а ты, как мешок, все сидишь дома.

И тесть сказал ему:

– Да, это верно: ты пошел бы повеселился. Вот тебе сто лан (что составляет десять тысяч кеш).

Ни пошел в город, обошел его весь и возвратился, истратив всего две кеша, которые заплатил за две съеденные чашки лапши.

Жена была в отчаянии, что ей попался такой муж, который не может истратить больше двух кеш.

Но постепенно Ни привык. Он уже тратил по тысяче лан в один вечер.

Тогда тесть сказал ему:

– Ты уже истратил десять тысяч лан. Теперь поезжай в Китай, купи там китайского шелку, и мы сделаем хорошее дело.

И тесть дал ему на покупку десять миллионов лан. Ни взял деньги, поехал в Китай и отдал деньги первой попавшейся танцовщице.

Затем с пустыми руками возвратился домой.

– Что ты сделал, мой сын?

– Отдал деньги танцовщице, но если ты дашь мне еще десять миллионов лан, я куплю шелк.

Тесть дал ему.

Ни уехал в Китай и опять отдал деньги той же танцовщице.

Возвратившись домой, он сказал:

– Деньги я опять отдал танцовщице, но если ты теперь дашь мне десять миллионов лан, я куплю шелку.

У Шо денег не было больше. Он взял тайно из государственной казны десять миллионов и отдал их зятю.

Ни уехал и опять передал деньги той же танцовщице.

– Ну, – сказал он ей, – теперь прощай, больше не увидимся.

– Ты мне делал такие щедрые подарки, – сказала ему танцовщица, – что и я хотела бы подарить тебе что-нибудь на память.

Она открыла все свои драгоценности и сказала:

– Выбирай.

В углу сундука лежал простой синий камень, величиной с кулак, с четырьмя дырочками: одна побольше, три поменьше.

– Да вот этот камень и дай, – сказал Ни.

– Твое счастье, – ты выбрал самую ценную вещь мою. Вот видишь надпись на камне: «Тинан»? Стоит только сказать это слово, и все, что ты ни пожелал бы, исполнится.

Ни поблагодарил, взял камень и пошел домой.

Когда Ни близко подходил к своему дому, он встретил веселую компанию мужчин и танцовщиц, которые и угостили его.

В ответ и Ни захотел угостить их. Он ударил по камню, и из камня вышла девушка Тинан, и Ни сказал:

– Я хочу, чтоб на этом месте вырос дворец и в нем было бы прекрасное угощение.

Тинан ушла в камень, а вместо нее вышли три старика с тыквами.

Ударил один старик в тыкву, и вырос великолепный дворец. Другой ударил, и появилось все хозяйство и рабы. Третий ударил, и появилось всевозможное угощение.

Начался пир и продолжался три дня, пока один приятель Ни, проходивший мимо, не сказал ему:

– Из-за тебя твой тесть сидит в тюрьме.

– А за что он сидит в тюрьме?

– Сидит за то, что позаимствовал из государственной казны десять миллионов лан и не уплатил. Теперь же, с процентами, составилось уже тридцать миллионов лан.

Тогда Ни оставил пиршество, приказал Тинан убрать все назад и пошел в Сеул.

Дома его встретила голодная и оборванная жена. Так как за домом некому было смотреть, то дом весь развалился.

– Ты привез шелк?

– Ничего я не привез, а деньги отдал танцовщице.

– Бедный отец погибнет в тюрьме.

– Не надо было меня учить тратить деньги. Лучше будем есть, – сказал муж.

– У меня ничего нет, – ответила жена.

Тогда он пошел в тюрьму, к тестю.

– Купил шелк?

– Нет, я отдал деньги танцовщице. Дом твой развалился, и теперь нам нечего есть.

– Да, я твой должник, – сказал тесть, – вот возьми мое платье, продай и купи себе пищу.

– Ты лучше скажи, куда деньги внести за тебя и сколько?

– Откуда у тебя деньги?

Ни рассказал тогда.

Деньги Ни внес, и тестя освободили.

На месте же их дома вырос целый дворец, где каждый день оделяли бедных деньгами и хлебом.

Тогда в городе стали говорить, что Ни и его тесть, наверно, кого-нибудь обокрали, иначе откуда появились бы у них такие богатства.

Молва эта дошла до императора.

– Может, он и не украл, – сказал императору первый министр, – но человек с таким богатством, да еще мотающий деньги на бедных, опасный для государства человек, и лучше весь его род уничтожить.

Император не спорил, и стража отправилась забирать в тюрьму Ни, его тестя и его жену.

Но, когда окружили дворец, Ни вызвал Тинан и приказал ей унести и дворец и их всех куда-нибудь подальше от таких мест, где сильным или умным людям рубят головы за то, что они помогают бедным.

Тинан ушла в камень, а из камня вышли три старика.

Первый ударил в тыкву, и дворец приподнялся на воздух, второй ударил, и дворец поднялся до облаков. Третий ударил в свою тыкву, и дворец скрылся из глаз.

Выбрал ли Ни на земле место для своего дворца и, выбрав, уже устроился там, или, может быть, так и остался на небе – этого никто не знает. На том же месте, где был его дворец, теперь – болото. На этом болоте весной цветут фиалки, и называется это болото Нен-мои – болото фиалок.

10. Чапоги

При императоре Сук-цон-тавани жил один бедняк Ким-ходури. Он занимался тем, что рубил дрова и продавал их.

В день он рубил три вязанки, – две продавал, а одну вязанку сжигал сам.

Но вот, с некоторого времени, стала пропадать одна вязанка дров. С вечера нарубит три вязанки дров, а наутро их оставалось только две.

Думал бедняк, думал и решил рубить по четыре вязанки. Тогда четвертая стала пропадать.

– Ну, хорошо, – сказал себе бедняк, – вора я все-таки поймаю.

Когда пришла ночь, он залез в четвертую нарубленную вязанку и ждал. Среди ночи вязанка вместе с бедняком поднялась и полетела прямо на небо.

Пришли слуги Оконшанте, развязали вязанку и нашли там Кима-ходури.

Когда его привели к Оконшанте, тот спросил его, как он попал на небо. Ким-ходури рассказал как и жаловался на свою судьбу.

Тогда принесли книги, в которых записаны все живущие и их судьбы, и сказал Оконшанте:

– Да, ты действительно Ким-ходури, и не суждено тебе есть чумизу, но всегда хлебать только пустую похлебку.

Заплакал Ким и стал просить себе другой судьбы. Он так плакал, что всем небожителям и самому Оконшанте стало жаль его.

– Я ничем в твоей судьбе не могу помочь тебе, – сказал он, – но разве вот что я могу сделать: возьми чужое чье-нибудь счастье и, пока тот не придет к тебе, пользуйся им.

Оконшанте порылся в книгах и сказал:

– Ну, вот возьми хоть счастье Чапоги.

Поблагодарил Ким, и в ту же минуту служители Оконшанте спустили его на землю в то место, где стояла его фанза.

Ким лег спать, а на другой день пошел к богатому соседу и попросил у него сто лан взаймы и десять мер чумизы.

Прежде Киму и зерна никто не поверил бы в долг, но теперь счастье Кима переменялось, и сосед без всяких разговоров дал ему просимое. На эти деньги Ким занялся торговлей и скоро так разбогател, что стал первым богачом в Корее.

Все ему завидовали, но Ким один знал, что счастье это не его, а Чапоги. И он с трепетом каждый день и каждую ночь ждал, что придет какой-то страшный Чапоги и сразу отнимет все его счастье.

– Я убью его, – сказал себе Ким, – и приготовил нож, меч и стрелы, напитанные ядом.

Однажды мимо дворца Кима шли двое нищих: муж и жена.

Во дворе дворца стояла телега, и муж и жена спрятались под нее от солнечных лучей.

Там, под телегой, пришло время родить бедной женщине, и рожденного мальчика назвали они Чапоги, что значит найденный под телегой.

– Кто там кричит так громко под телегой? – спросил Ким, выходя во двор.

– Это Чапоги кричит, – ответили ему слуги.

Ким так и прирос к земле.

«Так вот откуда пришла расплата: не страшный человек, а маленький, беззащитный, голый от нищеты ребенок, – подумал Ким. – Нет, его не убивать надо, а лучше вот что я сделаю: я усыновлю этого Чапоги и, как его отец, буду и вперед продолжать жить на счастье своего сына».

Так Ким и сделал, и если не умер, то и до сих пор живет счастливо и богато, как отец рожденного под телегой.

11. Знаем!

Жили себе муж и жена, хорошие люди, но только никогда никого до конца не дослушивали и всегда кричали:

– Знаем, знаем!

Раз приходит к ним один человек и приносит халат.

– Если надеть его и застегнуть на одну пуговицу, – сказал человек, – то поднимешься на один аршин от земли, на две пуговицы – до полунеба улетишь, на три – совсем в небо улетишь.

Муж, вместо того чтобы спросить, как же назад возвратиться, закричал:

– Знаем!

Надел на себя халат, застегнул сразу на все пуговицы и полетел в небо.

А жена его бежала и кричала: «Смотрите! смотрите: мой муж летит!» Так бежала она, пока не упала в пропасть, которой не видела, потому что смотрела все в небо. На дне пропасти протекала река. Говорят, он превратился в орла, а она в рыбку.

И это, конечно, еще очень хорошо для таких разинь, как они.

12. Два патриота

Жили-были на свете два предсказателя: кореец То-шен и китаец Цхо-ирен.

– Надо посмотреть, что делает мой брат, – сказал корейский предсказатель и пошел на китайскую сторону.

Шел, шел и видит, стоит гора, на горе костер горит, и китаец разрывает чью-то могилу.

– Зачем ты разрываешь могилу? – спросил кореец.

– А ты сперва поздоровался бы, корейский предсказатель.

– Откуда ты знаешь, кто я?

– Хорошему предсказателю следовало бы все знать, – ответил китаец.

Понял корейский предсказатель, что перед ним китайский предсказатель, и, ничего не сказав, присел, закурил трубку и стал смотреть, что из всего этого выйдет.

Вырыв могилу, китаец вытащил из нее наполовину сформировавшихся двух драконов и бросил их в огонь.

Затем, закурив трубку, присел возле корейского предсказателя и сказал:

– Теперь видел, зачем я рыл могилу? Если бы эти драконы сформировались и улетели в небо, то большой вред был бы от того китайскому государству.

– Да, ты ученее меня, и я хотел бы у тебя поучиться, – сказал кореец.

Китаец согласился учить его и повел своего ученика по горам, объясняя счастье каждой. Так дошли они до реки Амноки, пятнадцать верст выше города Вивена. Река Амнока, как известно, граничит Китай и Корею.

– Вот видишь здесь, на китайском берегу, эту гору. Она называется Цари-сачи. Она похожа на сосуд цари, в котором мы едим лапшу. Теперь посмотри на корейскую сторону: та гора не напоминает ли тебе чего-нибудь?

– Она похожа на гири-тан, сосуд, в котором мы выпариваем наш хлеб.

– Гора та так и называется. Одна гора без другой бессильна, но вместе нет счастливее этих гор на свете. Тот род, который похоронил бы здесь своих предков, имел бы счастье, какого еще не имел ни один, рожденный землею. Но все несчастье в том, что горы эти принадлежат разным государствам, и, пока так будет, от этих гор никакому государству толку не будет.

И, оказав это, китайский предсказатель заплакал от огорчения.

Утерев слезы, он продолжал:

– Здесь мы с тобой расстанемся. Я не желаю зла ни тебе, ни твоей стране, и ты сейчас увидишь это, потому что я тебе скажу секрет, как сделать, чтобы страна твоя процветала. Вот он: в вашей провинции Ханхади есть гора Пян-сан. Если на вершине ее поставить три камня и перекрыть их плитой, то великое благоденствие будет для страны.

То-шен поблагодарил товарища, простился с ним и возвратился домой.

Сейчас же он пошел и поставил на Пян-сане три камня и перекрыл их плитой.

Но прошло три года, и оказалось, что Цхо-ирен коварно обманул товарища. За все три года во всей Корее не родилось ни одного ребенка.

– Ну, хорошо же, – сказал То-шен, – и я же удружу твоей стране.

То-шен отправился для этого на Пектусан, из озера которого Танхаги вытекает китайская река Хын-нен-ган. У истоков этой реки То-шен устроил ца-он-хим, что значит само-работающая толчея.

Результатом этого было то, что в последующие три года и у китайских женщин не родилось ни одного ребенка.

Тогда Цхо-ирен пришел к богдыхану и, рассказав ему все, сказал:

– Думаю, что это происки корейского предсказателя.

Китайский император приказал немедленно вытребовать То-шена в Пекин.

Когда То-шен приехал, его встретили очень ласково, а Цхо-ирен просил у него прощения.

– Мириться, так мириться, – сказал То-шен, и он рассказал, что он устроил против счастья Китая.

Послали на Пектусан, разрушили толчею, и в ту же минуту все китайские женщины родили.

– Ну, теперь, – сказал китайский император, – рубите скорее обоим предсказателям головы.

То-шену и Цхо-ирену отрубили головы и издали закон, чтобы и впредь всякому, кто будет заниматься делами своей родины, рубить голову.

С тех пор, правда, и китайские и корейские женщины рожают исправно, но дела обоих государств идут все хуже и хуже.

13. Небесная подруга

Был один благочестивый сын, который так ухаживал за своими родителями, что у него не было даже времени жениться.

И отца и мать на старости лет разбил паралич, и так как они были бедные, то, усадив их в ручную тележку, сын возил их, прося для них милостыню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.